
Б.С. ОРЛОВ

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС 1917 ГОДА

Во время работы над брошюрой, посвященной 150-летию со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова (декабрь 1856 г. – декабрь 2006 г.), меня особенно заинтересовал вопрос, касающийся эволюции взглядов основоположника русского марксизма (12). Будучи сторонником последовательных революционных действий пролетариата с целью построения справедливого социалистического общества и резко критикуя теоретика германской социал-демократии Эдуарда Бернштейна, когда тот на рубеже XIX и XX вв. указал на возможность добиться улучшения положения трудящихся в рамках существующего общественного строя (28), сам он, вернувшись в ночь на 31 марта 1917 г. в революционный Петроград, призвал к сотрудничеству все силы, стоящие на почве демократии – от рабочего класса и городских средних слоев до торгово-предпринимательских кругов, – в условиях «оборонительной» (так он понимал) войны против кайзеровской Германии.

Что стояло за такой резкой сменой взглядов? Почему выступление Ленина, вернувшегося в Петроград тремя днями позже и призвавшего к перерастанию буржуазной революции в социалистическую, Плеханов публично охарактеризовал как «бред» (17), а затем почти изо дня в день вплоть до Октябрьского переворота в статьях в газете «Единство» предостерегал российское общество, указывая, что его ждет в случае, если большевики захватят власть: неизбежная кровавая гражданская война, дискредитация идеи социализма (15)?

Следует признать, что полностью ответить на эти вопросы в моем исследовании не удалось, как и выяснить до конца, почему победили большевики, хотя, казалось бы, в той ситуации среди всех политических сил именно у них было меньше всего шансов для реализации своих намерений. Совокупность всех очевидных, лежащих на поверхности фактов вроде бы указывала на то, что сравнительно небольшой группе экстремистов

их авантюрная затея не удастся. Попытаемся продолжить поиск ответов на эти вопросы.

Февральская революция застала большевиков врасплох

Начнем с того, что большевики (как, впрочем, и другие политические группировки), ведя активную подпольную революционную деятельность против царского режима, не предполагали, что этот режим так быстро рухнет и следует заранее выработать на этот случай стратегии действий. Известно высказывание Ленина на встрече с молодыми социалистами в Цюрихе в январе 1917 г., т.е. буквально за месяц до Февральских событий в России: он подбивал молодежь тем, что в отличие от «стариков», к коим причислял себя, им доведется стать свидетелями революционных преобразований (10, с. 328)¹.

Русские в самом начале Февральской революции преподнесли сюрприз, не предусмотренный историко-аналитическими сюжетами того времени: буквально в первые дни революции возникли два центра власти. Один – Временный комитет, а затем Временное правительство, появившееся как представитель Государственной думы последнего, четвертого, созыва, т.е. законодательного органа, отражавшего волю всех избирателей. И другой – Советы рабочих, а чуть позднее и солдатских депутатов, который заявил, что он действует от имени трудящихся масс. Между этими двумя органами власти сложился определенный механизм взаимодействия. Один из руководителей Исполкома Петросовета (А.Ф. Керенский – трудовик, а позже социалист-революционер) с согласия Совета вошел в состав Временного правительства в роли министра юстиции.

Так каков же был социальный характер той революции, чьи интересы она выражала? От чьего имени выступало ее главное действующее лицо – А.Ф. Керенский? Пройдя через все составы Временного правительства – министр юстиции при председательстве князя Г.Е. Львова (со 2 марта), военный и морской министр при первом коалиционном правительстве под руководством того же князя Львова (с 5 мая), председатель второго коалиционного правительства (с 24 июля), а затем третьего коалиционного правительства (с 25 сентября) и, наконец, Верховный главнокомандующий (после попытки мятежа генерала Корнилова 26–30 сентября), – Керенский накопил достаточный опыт взаимодействия с двумя центрами власти: от имени Петросовета – с Временным правительством и с Советами – от

¹ Вот дословное высказывание Ленина, помещенное в его собрании сочинений (кстати, это перевод с немецкого): «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, сказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

имени Временного правительства. При этом ему удалось добиваться необходимого компромисса. Уже находясь в эмиграции, А.Ф. Керенский написал книгу «Россия на историческом повороте», в которой высказался так: «Совет добился восстановления дисциплины не только на заводах, но и в военных казармах, он внес огромный вклад в организацию регулярного снабжения Петрограда продовольствием, а также сыграл в высшей степени плодотворную роль в преобразовательных реформах во всех сферах» (8, с. 163).

Отнесемся с определенной сдержанностью к этой оценке. Ряд историков обращают внимание на отрицательную роль первого же документа, который принял Петросовет. Это так называемый «Приказ № 1», согласно которому в армии вводились демократические порядки, создавался институт комиссара, отменялись должностные привилегии. Казалось бы, составители «Приказа» руководствовались наилучшими побуждениями, заботясь о защите прав рядового солдата. Да и распространялся он первоначально только на воинские части Петрограда. На деле все произошло иначе: по всей русской армии прокатилась волна самоуправления и дезорганизации, что существенным образом ослабило ее боеспособность, особенно в условиях войны.

Правда и то, что Петросовет во взаимодействии с Временным правительством инициировал многие мероприятия социального характера. Существенно усилились права трудящихся, начиная с введения 8-часового рабочего дня и установления рабочего контроля на предприятиях, был учрежден ряд новых министерств – труда, государственного призрения (для оказания помощи пострадавшим в ходе войны). Создавался экономический совет (для выработки «общего плана организации народного хозяйства и труда»). Вырисовывались контуры социального государства, к которому Европа подошла в основном только после Второй мировой войны.

Окончательно решить все эти вопросы – и прежде всего вопрос о земле – предстояло на Учредительном собрании, к которому шла страна. Оно приобрело в глазах широких масс символическое значение: с ним связывалось осуществление вековых надежд. Судить о том, что произошло в считанные месяцы после начала Февральского процесса (март–октябрь 1917 г.), следует с учетом всех обстоятельств. Важнейшее из них – следующее: по улицам Петрограда, словно расплавленная магла, растекалась толпа со всеми соответствующими эмоциями. Важно также учитывать направления, по которым двигались с разной скоростью и с разной мотивацией оба органа власти. Причем это была по преимуществу созидательная активность, о чем вспоминал позже А.Ф. Керенский (7).

Так вот, в первоначальном процессе, начатом в конце февраля, большевики фактически не участвовали. Ключевые фигуры Октябрьского переворота – Ленин и Троцкий – были за пределами страны, один в Швейцарии,

рии, другой – в Соединенных Штатах. В самом Петросовете в составе руководящего органа – Исполкома – из 15 членов только два человека представляли большевистскую партию. Председателем Петросовета был избран меньшевик Н. Чхеидзе, двумя его замами – трудовик А. Керенский и меньшевик М. Скобелев. И вообще, в первые мартовские дни большевистская партия рассматривалась как маргинальная. Она насчитывала, по разным оценкам, 24–26 тыс. членов. Для сравнения: в рядах Партии социалистов-революционеров находилось порядка 800 тыс. человек (6, с. 101).

На авторитет большевиков бросало тень то обстоятельство, что их вождю с группой единомышленников германские власти разрешили вернуться на родину через страну, с которой Россия воевала. По сей день идут споры, был ли Ленин платным агентом германского Генштаба. Появилась масса соответствующей литературы, в том числе – обстоятельная работа Эвы Хереш «Купленная революция» (25). Но в те горячие послефевральские дни любому здравомыслящему человеку без всяких документальных доказательств было ясно: пропускать через свою страну, да еще в опломбированном вагоне, «русских смутьянов» немцы просто так не станут. В ситуации борьбы на двух фронтах германскому Генштабу было важно усилить фактор дестабилизации на Востоке. Для этого – как можно быстрее «внедрить» в Россию людей, которые публично заявляли о намерении превратить «империалистическую войну в гражданскую». Тем не менее, как мы знаем не только по советским кинофильмам, но и по другим источникам, 3 апреля на Финляндском вокзале Ленина принимали чуть ли не как национального героя, мессию, освободителя.

Еще ждет своего исследователя тема: каким было влияние толпы на ход революционного процесса в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Но очевидно, что такие фигуры, как Керенский, Ленин, Плеханов, Мартов, Чернов, Кропоткин, представляли перед солдатской и матросской массой, городскими низами как своего рода пророки. Их чуть ли не обожествляли, но при меняющихся обстоятельствах тут же забывали и даже проклинали.

В 1957 г. Госкомлитиздат провел анкетирование «участников Великой Октябрьской социалистической революции». Ряд ответов позволяет лучше представить атмосферу, влиявшую на массовое восприятие фигуры Ленина. Вспоминает Дмитрий Иванович Гразкин – член КПСС с 1909 г., присутствовал на I съезде крестьянских депутатов (май 1917 г.) как делегат от 109 пехотной дивизии. «Все ждали Ленина, причем крестьяне, судя по их разговорам, представляли себе Ленина высоким, черным, курчавым, с длинными волосами. Когда Авксентьев (один из лидеров Партии социалистов-революционеров. – Б.О.) сказал, что “от фракции большевиков слово представляется Ленину”, весь зал замер, а когда на трибуне появился человек простого русского типа, делегаты стали спрашивать: “А где же Ленин?” Мы стали громко указывать: “Да вот же, на трибуне”. После это-

го по залу прокатилось: “Это Ленин? Так вот он какой! Да он вовсе не страшный”. Ленин стоял, выжидая, чуть улыбаясь. Это сразу как-то купило делегатов. Затем кто-то из эсеров, подавая сигнал к атаке, крикнул: “Вот вам Ленин предложил землю”. Ленин, как бы отвечая на этот выкрик, начал говорить: “Да, мы советовали крестьянам взять землю, не дожидаясь Учредительного собрания”, – и начал развивать мысль, почему это необходимо сделать. Ленин говорил около полутора часов или часа два» (13, с. 130–131).

Еще один свидетель – Андрей Павлович Кучкин, член КПСС с 1912 г.: «Пустьрь, огороженный с трех сторон деревянным забором, а с четвертой – огромным корпусом завода, был забит огромной массой в несколько тысяч рабочих. Ждали Ленина. Разговоры только о нем. Напряженно всматриваюсь в трибуну, протискавшись к ней. Вот поднимается мощная фигура в белой панаме. “Ленин”, – думаю я, и сердце сильно забилось. “Почему же его не встречают аплодисментами?” Оказалось, что это один из рабочих, который взшел на трибуну, чтобы оповестить, что Ленин будет через 10 минут. После него не раз поднимался тот или иной руководитель огромного митинга, и каждый раз я думал, что это вот Ленин. Но ошибался. И вдруг раздался оглушительные аплодисменты. Они нарастали и нарастали. Я бросил взгляд на трибуну. Она пуста. “В чем же дело? Кому аплодируют?” – недоумевал я. А аплодисменты все усиливались, росли, словно рокот волн во время бушующего моря. Оказалось, что прибыл Ленин и ему аплодируют. Он пробирался сквозь ряды рабочих к трибуне. Но вот он вошел на трибуну. Взрыв аплодисментов – таких мощных, такой взрыв восторга и любви в них, что у многих на глазах появились слезы. От охватившего непередаваемого счастья я тоже заплакал» (13, с. 217–218).

Это, видимо, искренняя реакция. Одно из свидетельств, кстати, принадлежит человеку, представлявшему на I съезде Советов крестьянских депутатов партию большевиков. Съезд проходил три с лишним недели – с 4 по 28 мая, и на него собрались 1167 делегатов. Факт примечателен прежде всего тем, что именно представители крестьянства, руководимые Партией социал-революционеров, смогли в трудных условиях войны и перебоев на транспорте собраться и конституировать себя на общероссийском уровне. Заметим: это произошло раньше, чем в случае с Советом рабочих и солдатских депутатов. И хотя большевики, судя по воспоминаниям, вели себя весьма эмоционально, на съезде они составляли менее 1% делегатов. Преобладали социалисты-революционеры – 47% делегатов. За ними шли меньшевики – 8% делегатов (6, с. 106–107).

Не послушались крестьянские делегаты призыва Ленина немедленно отбирать у помещиков земли. Съезд одобрил вхождение социалистов во Временное правительство (в первом коалиционном правительстве под председательством кн. Львова было шесть социалистов – лидер эсеров

В.М. Чернов, меньшевики И.Г. Церетели и М.И. Скобелев, трудовики А.Ф. Керенский и П.А. Переверзев, народный социалист А.В. Пешехонов) и наметил ряд мероприятий по крестьянскому вопросу (был создан Аграрный комитет), отложив его окончательное решение до Учредительного собрания. Председателем Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов был избран социалист-революционер Н.Д. Авксентьев. В состав Исполкома вошли 25 эсеров, пять трудовиков и народных социалистов. Ни меньшевики, ни большевики в нем не были представлены. А это значило, что крестьянское движение в революционный период оказалось вне их непосредственного организационного влияния.

Лишь в следующем месяце – июне – наконец-то состоялся съезд, объединивший деятельность Советов рабочих и солдатских депутатов по всей России. Он тоже продолжался три недели – с 3 по 24 июня, и на него съехались 1090 делегатов. Но и на этом мероприятии, как бы обобщающем деятельность движения Советов в масштабах страны, большевики оказались на третьем месте по числу делегатов после социалистов-революционеров (285 мандатов) и меньшевиков (248 мандатов). Странников Ленина представляли 105 делегатов (24, с. 249). Председателем Исполкома был избран меньшевик Н. Чхеидзе, как бы продолживший традиции Петросовета, где он, как помним, был первым председателем. Уже на этом съезде меньшевики забили тревогу по поводу антидемократической активности большевиков. Один из популярных ораторов того времени меньшевик Иракий Церетели так охарактеризовал ситуацию: «Контрреволюция может проникнуть к нам только через одну дверь: большевиков, это уже не идейная пропаганда, это – заговор» (6, с. 115).

Между тем явственно обозначилась тактика большевиков. *Обнаружив, что они не могут добиться влияния в выборных органах власти – ни в рабочих, ни в крестьянских Советах, – сторонники Ленина стали напрямую обращаться к стихийным настроениям масс*, выдвигая импонирующие им лозунги и не задумываясь о том, насколько они соответствуют реальности. Как сказали бы сегодня, это была тактика демагогического пиара.

В этом отношении особенно отличался Ленин, всему и всем приклеивая ярлыки, броские по форме, но совершенно извращающие смысл. Известный факт: когда видные меньшевики Аксельрод и Потресов в период политической стагнации после поражения революции 1905–1907 гг., размышляя над тем, как социал-демократическую партию сделать подлинно рабочей, предложили идею проведения рабочего съезда, Ленин назвал их «ликвидаторами». Таковыми они по сей день числятся в учебниках истории. На самом же деле речь шла о попытке активного возрождения социал-демократии на массовой базе рабочих.

Во время Первого съезда Советов случилось событие, которое способствовало подъему общественных настроений. Наконец-то русская ар-

мия на австрийском фронте одержала убедительную победу. Командующей войсками генерал Лавр Корнилов стал героем дня, любимцем публики. По этому поводу съезд Советов назначил на 18 июня манифестацию в поддержку Временного правительства. Однако на демонстрации в Петрограде, Риге и других городах сторонники большевиков вышли с лозунгом «Долой 10 министров-капиталистов!» На самом деле, как уже отмечалось, во Временном правительстве только шесть министров придерживались социалистической ориентации. Как, впрочем, и позднее. Во втором коалиционном правительстве во главе с социалистом Керенским их было шесть, в третьем и последнем по счету коалиционном правительстве во главе с тем же Керенским – тоже шесть.

Одним словом, в России сложилась уникальная ситуация, не позволяющая исследователям оценивать происшедшее по принципу «белое – черное»: либо буржуазная революция, либо социалистическая. Как заметил меньшевик Н.Н. Суханов, оставивший потомкам свидетельства о революционных событиях: «То, что произошло в России на следующее утро после Февральской революции, не соответствует никаким историческим законам» (22). И в самом деле, на петроградских властных подмостках сошлись представители не просто разных идеологических направлений, но и разных политических субкультур, о чем мы поразмышляем ниже. Но тогда, в *июньские дни 1917 г., сторонникам Ленина важно было внушить массам мысль о сугубо буржуазном и, следовательно, контрреволюционном характере правительства*, игнорируя при этом очевидные факты. И ведь поверили. И верят сейчас. Спроси сегодня человека средней образованности в России, каким был характер Временного правительства в 1917 г., – он, не задумываясь, ответит: буржуазный. Большевицкая пропаганда вбивала как гвозди в головы толпы простые до примитивности понятия.

Так произошло и на демонстрации 3 июля. На сей раз речь шла не просто о лозунговых протестах, но о попытке вооруженного восстания. На улицах Петрограда пролилась кровь. По разным источникам, погибло порядка 700 человек. Мятеж был подавлен, а в печати опубликованы документы, из которых следовало, что большевики получали деньги из германского Генштаба. 7 июля был отдан приказ об аресте Ленина. Арестовали Троцкого, который к тому времени прибыл из США, Раскольникова, Каменева, ряд других деятелей партии.

Как известно, Ленин скрылся на Финляндской границе, на станции Разлив, где, согласно легенде, в шалаше изложил свои представления о том, что намерены делать большевики после захвата власти. Позже эта рукопись под названием «Государство и революция» была опубликована в собрании ленинских сочинений (9) и стала обязательной для изучения по всему Советскому Союзу. Когда сегодня перелистываешь эту работу, ав-

тор которой по-школярски пересказывает ряд произведений Маркса и Энгельса, приходишь к горькому для судеб России выводу: ведь именно по этому примитивному сценарию действовали большевики в период «военного коммунизма», совершая насилие над сложившимся укладом жизни и судьбами людей.

Казалось бы, участие в июльском мятеже, компрометирующие документы германского Генштаба, слабое представительство в Советах, рабочих и крестьянских, на разных уровнях – все это должно было еще больше дискредитировать большевиков. Но сторонники Ленина проявили удивительную способность к политической выживаемости. И они, как говорится, на полную катушку использовали августовскую попытку мятежа – теперь уже со стороны правых сил во главе с генералом Корниловым.

От Корниловского мятежа к Октябрьскому перевороту

Вообще-то, вокруг этого мятежа по сей день много неясностей. После успешных действий на австрийском фронте генерал Корнилов получил высшую военную должность – Верховного главнокомандующего. Причем в обстановке, когда армия разлагалась на глазах: по стране бродили толпы дезертиров (порядка 2 млн. человек); крестьяне, услышав призыв большевиков брать землю у помещиков, бежали с фронта, чтобы успеть к разделу, о чем с большой озабоченностью писал Георгий Плеханов¹. В ситуации нарастающей анархии надо было предпринимать срочные меры. С вполне понятной озабоченностью главнокомандующий Корнилов составил записку, где предлагал ряд мер по наведению порядка, и лично передал ее председателю правительства Керенскому. Тот в принципе ее одобрил, но просил согласовать с Военным министерством. Между тем 5 августа выдержки из этой записка без ведома самого Корнилова появились в «Известиях», печатном органе Петросовета. И против Корнилова поднялась кампания, в которой активнее всех выступили большевики. Тем временем германские войска подступали к Риге, откуда была прямая дорога на северо-запад. Главнокомандующий принял решение подтянуть войсковые соединения к Петрограду, разместив их на предполагаемом направлении продвижения немцев к столице. В Петросовете это решение расценили как еще один шаг к контрреволюционному мятежу.

Между тем 12 августа 1917 г. в Москве, в здании Большого театра, собрался весь цвет политического класса и интеллектуальных сил страны на так называемое Государственное совещание, чтобы обсудить возможности конструктивного сотрудничества политических кругов разной ориентации. Главнокомандующий Корнилов выступил на этом совещании и

¹ Вот оценка Г.В. Плехановым сложившейся ситуации в газете «Единство» от 1 июля: «Солдаты бросают ружья и бегут, порою даже раньше, чем на них нападают» (16, с. 28).

предупредил присутствовавших – а их было две с половиной тысячи человек, – что если в самое ближайшее время порядок в армии не будет наведен, то «фронт рухнет».

Через неделю после начала Государственного совещания, т.е. 13 августа, немцы овладели Ригой. Путь на Петроград был открыт. Управляющий Военным министерством Борис Савинков, известный в обществе как террорист и литератор («Конь бледный»), о котором в новой ситуации одобрительно отзывался Плеханов¹, предложил ввести в столице военное положение и подтянуть к городу 3-й конный корпус. Керенский согласился с этим предложением. Тот же Савинков сообщил Керенскому, что на 28–29 августа ожидается серьезное выступление большевиков (на своем VI съезде они приняли решение о подготовке вооруженного восстания, намеченного на период не позже сентября-октября).

В свою очередь, главнокомандующий Корнилов поставил в известность Савинкова, что к вечеру 29 августа 3-й конный корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда, и просил ввести на следующий день военное положение в городе. Между тем член Временного правительства, министр В.Н. Львов, взяв на себя роль посредника между Временным правительством и Верховным главнокомандующим, встретился с Корниловым и затем передал Керенскому его требование: объявить в Петрограде военное положение, передать всю власть на это время ему, а само Временное правительство распустить.

Для Керенского это требование Корнилова не было неожиданно. Двумя днями раньше, 26 августа, на заседании правительства он расценил действия генерала как мятеж и потребовал, чтобы в сложившейся обстановке чрезвычайные полномочия были переданы ему как председателю правительства. Все министры подали в отставку, решение Керенского поддержали ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполком крестьянских Советов.

На следующий день, 27 августа, Керенский приказал Корнилову прибыть в Петроград и сдать полномочия. Тот не согласился и утром 28 августа по радио обратился к населению: обвинил Временное правительство в действиях на руку германскому Генеральному штабу, призвал «всех русских людей к спасению умирающей Родины» и заявил, что доведет народ до Учредительного собрания, прежде победив немецкого агрессора. Корнилов обратился к войскам за поддержкой, но не получил ее. Войсковые комитеты Западного фронта блокировали ставку, а Юго-Запад-

¹ В статье в газете «Единство» от 12 августа 1917 г. Г.В. Плеханов дает такую характеристику Савинкову: «В этом нашем террористе, потребовавшем применения смертной казни в армии, заговорила та суровая и несокрушимая энергия, которая помогла французским революционерам конца XVIII в. разбить ополчившуюся против их родины австро-прусскую реакцию» (16, с. 92).

ного – арестовали командование. 1 сентября Корнилов был арестован. Верховным главнокомандующим стал Керенский. В этот же день Россия была провозглашена республикой.

А вот оценка тех событий как бы со стороны. Она принадлежит человеку, который в роли посла Великобритании в России наблюдал за происходившим в стране начиная с 1910 г. и оставил воспоминания об этом периоде. Вот что писал позднее Дж. Бьюкенен: «Встретившись с Керенским в 1918 году в Лондоне, я спросил его об отношениях с Корниловым. Он сказал, что всегда считал его честным человеком и патриотом и очень плохим политиком. Он согласился на все требования Корнилова относительно смертной казни и включения Петрограда в прифронтовую зону, но не мог допустить, чтобы место заседаний правительства определялось приказом Корнилова, поскольку в этом случае министры оказались бы в его власти» (3, с. 335).

А вот дневниковые записи Дж. Бьюкенена, сделанные в те критические дни, 12 сентября (по новому стилю) 1917 г.: «В результате медлительности наступления Корнилова у правительства было время, чтобы собрать гарнизон, привезти матросов и солдат из Кронштадта, вооружить тысячи рабочих и арестовать многих его сторонников». Еще одна запись в тот же день: «Выступление Корнилова почти с самого начала было отмечено почти детской некомпетентностью его организаторов и завершилось полным поражением. По прибытии на станцию в двадцати пяти километрах от Петрограда его войска были встречены Черновым (членом Временного правительства и лидером Партии социалистов-революционеров. – *Б.О.*), и, поскольку они ничего не знали о целях своего похода, он легко их убедил принять сторону Керенского. Крымов, их командир, был доставлен в Петроград на автомобиле, и после беседы с Керенским застрелился» (3, с. 336).

Столь подробно обстоятельства Корниловского мятежа пересказываются по следующей причине. С начала сентября психологическая ситуация в Петрограде изменилась существенным образом. «Красное колесо», если вспомнить образное сравнение А.И. Солженицына, и в самом деле покатило в сторону Октябрьского переворота. События, связанные с попыткой мятежа, показывали, что речь шла, скорее, о плохо продуманных действиях боевого генерала, не очень-то искусственного в политике, и о достаточно решительных действиях одной власти – Временного правительства, поддержанной другой – Советами, рабочими, солдатскими, крестьянскими.

Перед попыткой Корниловского мятежа и после него в российском обществе наблюдалась определенная консолидация политических сил разного направления. Это прежде всего касается трех крупных соещаний, носивших, так сказать, знаковый характер. Уже упоминалось Государст-

венное совещание (12–15 августа), на котором была предпринята фактически последняя попытка примирить представителей противоположных политических культур. За несколько дней до этого в Москве собрались сторонники правого крыла политических сил: либеральные круги, торгово-промышленное предпринимательство, офицерство, чиновники. Московское совещание поддержало Временное правительство и одновременно выступило фактически за упразднение института Советов как такового. Участники совещания, – а их собралось порядка 400 человек, – призвали главнокомандующего Корнилова к проведению жесткой политики и как бы вдохновили его на решительные действия.

Третье знаковое совещание – Демократическое – начало свою работу 14 сентября. Оно определялось последствиями провала Корниловского мятежа и носило подчеркнуто левый характер. На нем были представлены прежде всего Советы, а также члены городских самоуправлений, земств, кооперативов, казачьих, национальных организаций – всего 1582 делегата. По партийной принадлежности большинство было за эсерами (532 делегата), далее шли меньшевики (172 делегата) и только на третьем месте большевики (136 делегата) (6, с. 128).

От компромисса с правыми силами к «однородному социалистическому правительству»

Именно на этом совещании окончательно созрела идея однородного социалистического правительства, формируемого на демократической основе. Более того, были приняты меры организационного характера, ведущие в этом направлении: создан Всероссийский демократический совет (его с ходу назвали Предпарламентом). Предполагалось, что отныне Временное правительство должно быть ответственно перед ним до избрания Учредительного собрания. Был сформирован Президиум Демократического совета. Его возглавил меньшевик-оборонец Н. Чхеидзе, а в состав вошли четыре социалиста-революционера (Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, В.Д. Камков, О.С. Минор), два меньшевика (Ф.А. Дан, В.Е. Мандельберг), два большевика (Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий).

Возникла чрезвычайно сложная ситуация. Большинство делегатов (правда, всего в 31 голос, 813 делегатов) проголосовало против коалиции с кадетами. Из правительства вышел лидер социалистов-революционеров В. Чернов. В такой обстановке Керенский был вынужден согласиться с учреждением нового органа (2 октября принято положение, определившее его статус). Но вместе с тем он формировал третье коалиционное правительство, в которое вошли кадеты (шесть представителей Партии народной свободы, три меньшевика, два трудовика, один социалист-революционер, два военных специалиста, один независимый).

Однако большевиков не устраивал и Предпарламент. На заседании 7 октября Троцкий от имени большевиков заявил, что и Временное правительство, и Предпарламент носят контрреволюционный характер. Это означало, что партия Ленина решила идти ва-банк. Существенную роль сыграло обстоятельство, что 3 сентября в результате ослабления позиции меньшевиков-оборонцев Исполком Петросовета возглавил большевик Л.Д. Троцкий. А десятью днями позже большевик В.П. Ногин возглавил Моссовет. Тем самым большевики создали свои легитимные опорные пункты в обеих столицах. Далее на базе Петросовета большевики формируют Военно-революционный комитет и уже почти в открытую ведут подготовку к захвату власти под лозунгом «Вся власть Советам».

Взятие власти приурочили к открытию (второго по счету) съезда Советов рабочих и солдатских депутатов – 25 октября. Поздним вечером 25 октября, когда большевики готовились к «штурму» Зимнего дворца, где находилось Временное правительство, меньшевик Федор Дан от имени Президиума ВЦИКа открыл заседание II Всероссийского съезда Советов. На этом съезде большевики наконец-то получили большинство. Из зарегистрированных в первый день 649 делегатов большевиков представляли 390 человек, эсеров – 160, меньшевиков – 72. Численное превосходство большевиков усилилось после того, как правые эсеры и меньшевики покинули зал заседания в знак протеста против их насильственных действий по захвату власти (24, с. 281).

Однако такое большинство оказалось чисто ситуативным. Спустя два месяца на Учредительном собрании, открывшемся 5 января 1918 г. и олицетворявшем вековые надежды народа, большинство голосов принадлежало социалистам-революционерам – 40% и только 23% – большевикам. Этот расклад Ленин изменил чрезвычайно простым способом: приказал на следующий день, 6 января, делегатов на съезд не пускать. Группу поддержки Учредительного собрания расстреляли. Убитых хоронили в знаковый для российской истории день – 9 января. Все это свидетельствует только об одном: *власть в осенние дни 1917 г. вовсе не «валялась под ногами»*, как полагали пропагандисты советских времен и некоторые зарубежные исследователи. *Большевики вероломно захватили ее, не только нарушив демократические нормы Февральского процесса, но и предав других приверженцев социалистической идеи* – социалистов-революционеров, меньшевиков, анархистов и других сторонников социальной справедливости в ее антибуржуазном варианте.

Дальнейшие события показали, что большевики оказались способны не только «подобрать» власть, но и удержать ее, проводя политику, вызвавшую отторжение как деятельного крестьянства («продразверстка»), так и значительной части городского населения (интеллигенции, служащих, ремесленников, мелких торговцев), не говоря уже о дворянстве, торговой

и промышленной буржуазии. Прошли они и испытание тяжелейшей Гражданской войной, захватившей всю Россию.

Субкультура большевизма

Пытаясь объективно показать, при каких условиях большевикам удалось самоутвердиться в Февральском революционном процессе, мы снова выходим на вопрос: чем объясняется их способность захватить власть в абсолютно неблагоприятных для себя обстоятельствах, удержать ее, выстоять в Гражданской войне, а затем приступить к строительству нового общественного строя с замахом на мировую гегемонию?

На этот счет в литературе существуют разные мнения. Такой знаток русской жизни, как писатель Максим Горький, в своих «Несвоевременных мыслях» утверждал: «Все, что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевизма, восходящей до садизма, о некультурности их, о незнании ими психологии русского народа, о том, что они производят над народом отвратительный опыт и уничтожают рабочий класс, – все это и многое другое, сказанное мною о «большевизме», остается в полной силе» (5, с. 214). Но это было высказано в статье, опубликованной в газете «Новая жизнь» 17 мая 1918 г., т.е. по горячим следам событий. Как известно, впоследствии Горький скорректировал эту точку зрения (хотя бы в эссе, посвященном Ленину). Тем не менее позиция автора была сформулирована предельно ясно: большевизм действовал вопреки интересам русского народа, не понимая его подлинной сути.

Как мне представляется, ближе к пониманию сущности большевизма был русский философ Николай Бердяев. В своем труде «Истоки и смысл русского коммунизма» (2) он показал, что такие глубинные черты русской ментальности, как склонность к уравнительной справедливости, готовность решать конфликты силовыми методами, вера в харизматического лидера и др., нашли отражение в политической культуре большевизма. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что *народная утопия о возможности устройства счастливой жизни на земле как бы перекикалась с обещаниями большевиков*. Они считали, что утопия вполне реализуема – на научной основе, с помощью объективных законов общественного развития, открытых Марксом и Энгельсом. Это тонко подмечено в романе А. Платонова «Чевенгур».

Если обратиться к зарубежным исследованиям феномена большевизма, то можно заметить некоторые определяющие тенденции. Так, в фундаментальном труде немецкого ученого Астрида фон Борке «Истоки большевизма» (с подзаголовком «Якобинская традиция в России и теория революционной диктатуры») (29) обстоятельно анализируются взгляды мыслителей радикальной ориентации, начиная с декабристов. Однако на периферии остаются факторы общественной жизни, включая особенности

русской ментальности. Хотя она по-разному проявлялась в различных социальных слоях, очевидна общая склонность к радикально-конфронтационному способу решения накапливаемых проблем.

В ином ключе рассматривает деятельность большевиков американский ученый, профессор Гарвардского университета Адам Улам в своем исследовании «Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года» (23). Детально анализируя особенности русской истории начиная с тех же декабристов, американский исследователь делает два вывода: «Как показали события, после падения царского режима остался вакуум, и это состояние длилось до октября» (23, с. 288); «Гений Ленина не в том, что он был творцом революции, а в том, что он вышел победителем из этого хаоса» (23, с. 287).

А. Улам показывает в своей книге, что Ленин проявил себя как политик нового типа, нового века: одержимый идеей, не связанный моральными обязательствами и умело использующий приемы популистской пропаганды. Улам пишет: «Левые, меньшевики, вызывали жалость своей нерешительностью и выглядели смешно с их неуместной демократичностью и угрызениями совести. Им, как, впрочем, многим большевистским лидерам, был не понятен истинный смысл большевизма» (23, с. 338). Исследователь ссылается при этом на книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (19): «Многие большевистские лидеры, по свидетельству американского очевидца, были убеждены в полном безумии происходящего» (23, с. 340). И добавляет уже от себя: «Только Ленин мог управляться с этим сумасшедшим домом» (23, с. 344).

Учитывая эти и другие работы, посвященные феномену большевизма и по-разному его оценивающие, я вновь возвращаюсь к волнующему меня вопросу: почему в Февральском процессе большевики «переиграли» своих единомышленников по социалистической идее, хотя по массовости в начальный период Февраля они существенно уступали социалистам-революционерам (800 тыс. и 24 тыс.), а по интеллектуальному потенциалу меньшевики явно превосходили большевиков? Да и в личностном плане такие политики, как либерал Павел Милуков, октябристы Александр Гучков и Михаил Родзянко, анархист Петр Кропоткин, социалисты-революционеры Александр Керенский и Виктор Чернов, социал-демократ Георгий Плеханов, меньшевик-интернационалист Юлий Мартов, не уступали по масштабности ни Владимиру Ульянову-Ленину, ни Льву Троцкому. Я уже не говорю о других деятелях революционного движения, популярных в народе. Известно, что портреты социалистки-революционерки Марии Спиридоновой висели вместо икон в крестьянских избах, а ее единомышленницу Екатерину Брешко-Брешковскую уважительно называли «бабушкой русской революции».

Столкновение культур – конфронтационной и консенсусной

Как мне представляется, мы приблизимся к пониманию произошедшего, если попытаемся разобраться в типах политических субкультур, проявивших себя в деятельности различных социальных групп и организаций, главных персонажей Февральского процесса. Хотя, разумеется, это дело не простое. Мюнхенский историк Юрген Царуски в своей работе «От царизма к большевизму», обратив внимание на внутривнутрипартийные распри внутри только народившейся Партии социал-демократов, заметил: «Суть спора между большевиками и меньшевиками адекватно представляли лишь немногие из немцев» (26, с. 104). Вообще-то немцам простиительно, если учесть, что и в нашей стране по сей день иные публицисты либерал-радикального толка не видят разницы между Плехановым и Лениным.

И все же разбираться придется, если мы и в самом деле хотим понять, что представлял собой Февральский процесс, к которому российское общество двигалось в материальном и духовном плане, начиная с Петра I, а то и раньше. Обратим внимание при этом на главные составляющие русской политической культуры. Их можно охарактеризовать как конфронтационный и консенсусный подходы к решению возникающих проблем. Даже поверхностное знакомство с российской историей показывает, что в ней доминировал конфронтационный подход. Он был присущ не только властям, но и населению, которое в обычной жизни забавлялось кулачными боями, а когда дело доходило до серьезного, хваталось за дубины и присоединялось к массовым выступлениям Разина и Пугачева, согревая свою душу либо мечтой о добром царе, либо о безбрежной воле, когда все позволено (и не на небесах, а на этой грешной земле).

Таким же было отношение и к действующим правителям. Царя Ивана IV, доведшего Московское царство до полного истощения, уважительно называли «Грозным» (в немецкой историографии он «Ioann der Schreckliche» – «Иван Ужасный»), а царя с задатками реформатора – Бориса Годунова – связывали в основном с убийством царевича Дмитрия. Мало кто помнил, что он создал общественные фонды для раздачи бедствующим, послал детей на учебу за границу, основал город Томск, ставший культурной столицей Сибири, и по его повелению в самом Кремле построена колокольня Ивана Великого.

Заметный поворот обозначился в ходе реформ Александра II, когда в обстановке резких социальных сдвигов, обусловленных промышленным подъемом, с одной стороны, стал более заметным (особенно в либеральных кругах и новом предпринимательстве) рост правового сознания, а с другой – ментальные изменения захватили значительные массы крестьян, переехавших в город и вынужденных осмыслить свое новое социальное

положение уже в роли рабочих. Постепенно возникали как бы два очага новой политической культуры: городское самоуправление и земство, с одной стороны, и Советы как попытка крестьянского самоутверждения в городе на базе общинных традиций – с другой. Вокруг этих двух очагов и в промежутке между ними на рубеже XIX и XX вв. стали возникать политические партии с соответствующим программным видением происходящего.

Примечательное явление именно русской жизни того периода: активным политическим элементом стала просвещенная часть общества – разночинцы, интеллигенция, выходцы из дворянской среды. Они брали на себя организационное и программное обеспечение партий либерального толка, выступавших за постепенное совершенствование существующего государственного уклада (консенсусный подход). Они же вставали во главе политических партий, ориентировавшихся на изменение существующего строя революционным (конфронтационным) путем и построение общества на социалистических началах. При этом по-разному понимали саму суть социализма.

И тут мы сталкиваемся с трудностями прежде всего психологического, ментального плана. Российский историк Константин Морозов в своей обстоятельной работе, посвященной деятельности Партии социалистов-революционеров (11), на многочисленных фактах наглядно показал, как отличались по типу поведения социал-демократы и социал-революционеры (хотя и те и другие придерживались социалистических взглядов – правда, с разным идеологическим обоснованием). Не случайно, даже находясь в советских концлагерях, в частности на Соловках, эсеры держались обособленно.

А, казалось бы, и те и другие происходят от одного корня – от народнического движения, представленного главным образом городской интеллигенцией. Тогда молодые люди, студенты, курсистки, мелкие служащие в едином порыве двинулись просвещать крестьянство, видя в этом свое призвание. Две с половиной тысячи молодых граждан в 1874 г. «пошли в народ», вдохновленные самыми благородными побуждениями. Заметим, подобный массовый нравственный подъем больше не повторился – ни в России, ни в какой-либо другой стране. Кто-то из этих энтузиастов со временем стал земским учителем, земским врачом, землемером. Но в основном их постигло глубокое разочарование. Крестьяне не поверили в искренность этих «баричей», переодетых в простое платье, и стали сдавать полиции.

Столь неожиданная реакция была поводом для переосмысления происходящего, для новой оценки ситуации, сложившейся в обществе, разбухшем реформами. Результатом стал раскол народнического движения. Одни, полагая, что народ следует пробуждать смелыми поступками, при-

бегли к тактике террора против царя, других сановных лиц, назвав себя при этом социалистами-революционерами. Другие, обнаружив во взглядах немецких социологов Маркса и Энгельса с их теорией закономерностей общественного развития нечто полезное для понимания происходящего в собственной стране, стали считать себя социальными демократами. Погрузившись в изучение марксистских работ, и прежде всего «Капитала» и «Коммунистического Манифеста», они пришли к выводу: Россия идет по капиталистическому пути, растущий новый класс – пролетариат – станет гегемоном в освободительной борьбе за справедливое социалистическое общество и именно ему следует помочь осуществить эту историческую миссию.

Казалось бы, и те и другие – за социализм. Но для социалистов-революционеров социализм – это общество, к которому они идут, опираясь на крестьянство, трудовую интеллигенцию и рабочий класс, где будет осуществлена идея самоуправления (своего рода вариант «демократического социализма»). А для социал-демократов с их опорой на марксизм социализм представлял собой научный проект: рабочий класс под руководством партии, отражающей его интересы, в ходе революционных преобразований устанавливает диктатуру пролетариата, обобществляет экономику и ликвидирует частную собственность, развивает на плановой основе производительные силы до такой степени, что становится возможным осуществить коммунистический принцип «от каждого по способности, каждому по потребности».

Расколы: между партиями и внутри партий

Практика, однако, демонстрировала (и это наглядно показано в книге К. Морозова), что дело не только в теории, но и в типе личностей, примыкавших к революционному движению, в их характерах, отразившихся в соответствующей субкультуре.

Это особенно отчетливо проявилось, когда после Октябрьского манифеста 1905 г., на который Николай II пошел под давлением обстоятельств, политические партии получили возможность для легальной деятельности и участия в выборах в российский парламент – Государственную думу. Тогда размежевались либерально-промышленные круги, представленные партиями конституционных демократов (в дни Февраля кадеты станут называть себя Партией народной свободы) и октябристов – партией крупного капитала.

Стали организационно оформлять свою деятельность и националистические группировки, создав Союз русского народа, который занял верноподданническую позицию поддержки существующего режима.

В свою очередь, произошло размежевание внутри партий левого лагеря. Социал-демократы разделились на меньшевиков, делавших упор на использование возможностей легальной деятельности и на обрастание партии различными общественными организациями, и на большевиков, предпочитавших подпольную работу с опорой на профессиональных революционеров. В этом и было то принципиальное отличие, в котором не смогли, по свидетельству Ю. Царуски, разобраться немцы. Итак, внутри РСДПР возникли два разных подхода: консенсусный и конфронтационный.

Раскололись и социалисты-революционеры. Левое крыло – левые эсеры¹ – настаивали на продолжении террористической деятельности. На их счету убийство премьер-министра Столыпина, двух министров внутренних дел, нескольких губернаторов и генералов (заметим, уже после Октябрьского манифеста 1905 г.).

Как видим, линии размежевания различных типов субкультур – консенсусного и конфронтационного – проходили как между партиями, так и внутри них. В таком виде политические партии вступили в Февральский процесс, по-разному участвуя в нем и оказывая на него различное влияние.

Будем при этом иметь в виду, что на поведении партий сказалось их отношение к продолжающейся войне. Это особенно отразилось на позиции социал-демократов. Большевики были за прекращение войны и заключение сепаратного мира, за «превращение империалистической войны в гражданскую». Меньшевики раскололись на «оборонцев» (Чхеидзе, Церетели) и интернационалистов (Мартов). За продолжение войны выступал Георгий Плеханов и его группа «Единство».

Расхождения обнаружились и среди конституционных демократов. Лидер партии Милуков был за сохранение института монархии и за продолжение войны до победного конца, рассчитывая на присоединение к России черноморских проливов и Константинополя. Но не все в партии были согласны с его имперскими амбициями и намерением сохранить монархию. Уже на VII съезде партии (март 1917 г.) была принята резолюция о провозглашении России демократической парламентской республикой. А это означало, что и кадеты оказались в состоянии раскола.

Таким образом, перед Февральской революцией и в ходе ее образовались основные политические полюсы: правый и левый. Странники правого полюса – кадеты, октябристы – выступали за демократическую республику с сохранением рыночных отношений. Отсюда – их поддержка Временного правительства, призванного провести выборы в Учредительное собрание, на котором российское общество и должно было окончательно решить, как дальше жить – в режиме республики или конституционной монархии. Другой полюс – левый, вокруг которого группировались

¹ Следует принять уточнение К. Морозова: в результате раскола образовался Союз революционеров (максималистов). Левые эсеры конституировались только в 1917 г.

партии социалистической ориентации с разным пониманием того, каким должен быть этот самый социализм и каким путем к нему двигаться – либо через Учредительное собрание и сохранение демократических свобод, либо революционным путем, предполагавшим создание нового общественного строя с новой властной структурой – диктатурой пролетариата в форме Советов.

В ходе Февральского процесса эти партии придерживались различной тактики и старались привлечь к себе разные социальные группы и соответствующие организации.

Социальная и организационная опора либералов

Что касается либерально-предпринимательского лагеря, то он опирался на мощные организации, которые возникли во время войны. Это Союз городов, Союз земств, Военно-промышленные комитеты. Российский историк Виктор Шевырин в своей работе наглядно показывает масштабность их деятельности и одновременно способность российского общества к самоорганизации (27).

Причина появления этих организаций – фактическая неспособность властей справиться с нарастающими тяжелыми последствиями начавшейся войны. 8–19 августа 1914 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд городских голов, что послужило началом деятельности общегородского союза (ВСТ), на котором был создан комитет в составе десяти членов и пяти кандидатов во главе с Главноуполномоченным ВД. Брянским.

В это же время Николай II дал «добро» на создание Всероссийского союза земств (ВСЗ) во главе с Главноуполномоченным князем Г.Е. Львовым. Оба союза развернули активную деятельность. Так, во Всероссийский союз городов к сентябрю 1917 г., т.е. в самый разгар Февральского процесса, входило 630 городов. Кассовый расход союза к 1 сентября 1917 г. составлял 232 млн. рублей. На пунктах питания союза по путям следования войск, раненых и беженцев было накормлено 4,3 млн. рабочих и 8,6 млн. беженцев. В 13 санитарных поездах Союза городов было перевезено 340 тыс. раненых. Через госпитали с койками на учете союза с начала войны по январь 1916 г. прошло 1 млн. 260 тыс. раненых. И еще один факт из статистических данных. На фронтах Союз городов имел 388 питательных пунктов, столовых и чайных, на которых было выдано 50,5 млн. обедов и 80 млн. порций чая (27, с. 71).

Кто-то ведь вел подсчеты этой деятельности – вплоть до порций выданного чая. Интересно, как его учитывали? Стаканами? Но в любом случае впечатляет деятельность статистических служб. А вот еще ряд статистических данных. На фронтах союзом городов было выдано 35,6 млн. штук стираного белья, перемылось в банях союза 35,9 млн. человек. Попытаемся представить: сколько людей было занято в этой деятельности,

чтобы ухаживать за ранеными, мыть их, стирать белье, заваривать чай? Кто сегодня оценит их подвижничество?

Не менее масштабной была деятельность Земского союза. К концу 1916 г. в него входило 7728 учреждений, из них главных комитетов – 174, губернских комитетов – 3454, фронтовых комитетов – 4100. Как отмечает В.М. Шевырин, работа почти 8 тыс. учреждений, в которых были заняты сотни тысяч людей, вызвала все растущие расходы. Если в начале войны ресурсы Земского союза не превышали 12 млн. рублей, выделенных земствами, то к 1 января 1916 г. эта сумма выросла почти до 190 млн. рублей (27, с. 72).

На волне патриотического подъема возник и Военно-промышленный комитет. Из работы В.М. Шевырина мы узнаем обстоятельства его создания. Известный промышленник П.П. Рябушинский явился на IX торгово-промышленный съезд, проходивший 25–27 июня 1915 г. в Москве, «из-под самого пекла войны, из-под обстрела вражеских пушек и, потрясенный почти гробовым молчанием русской артиллерии, призвал своих «братьев по классу» мобилизовать частную промышленность для эффективной помощи фронту» (27, с. 61). Почин был принят почти сразу. Было решено создать Центральный военно-промышленный комитет с сетью порайонных организаций. В один только Московский комитет вошли представители 26 отраслей промышленности на территории, включающей 12 центральных губерний. В конце 1915 г. Главноуполномоченным был избран А.И. Гучков. Примечательно, что одним из его заместителей стал князь Г.Е. Львов, представлявший к тому времени объединившиеся в Земгор Земский и Городской союзы.

Примечательно также, что при ЦВПК была создана Рабочая группа с лидерами К.А. Гвоздевым и В.О. Богдановым. Значение этого факта наблюдатель со стороны американский историк Ричард Пайпс оценивает следующим образом. По его мнению, Рабочая группа проводила «действенную политику, типичную для меньшевиков, а позднее для возродившегося Петросовета, своего рода предтечей которого она и была. С одной стороны, группа помогала ЦВПК сохранять рабочую дисциплину в оборонной промышленности. С другой стороны, бросала пламенные призывы к скорейшему свержению монархии в разгар войны, которую при этом не собиралась прекратить» (14, с. 303–304).

Р. Пайпс указал на существенную сторону деятельности этих трех структур – способность к консенсусному взаимодействию. Со своей стороны, В.М. Шевырин так оценивает сложившуюся ситуацию: «Политизация общества все более захватывала и союзы. Они и сами были как бы сколком с российского общества. В их структурах был представлен, пожалуй, весь спектр политических партий и течений... Доминировали в союзах либералы-кадеты, прогрессисты, октябристы. Земский союз имел в

основном октябристский оттенок, Городской союз – кадетский» (27, с. 73). Вместе с тем «в союзах было много “демократической публики”, так называемого третьего элемента. Врачи, статистики, бухгалтеры, инженеры, юристы, учителя нередко заправляли делами в уездных комитетах ВЗС и местных отделах Союза городов. Так, в 1916 г., накануне Февральской революции, около 2/3 состава местных отделений ВОГ приходилось на городскую интеллигенцию» (27, с. 74).

Все эти факты позволяют нам полнее представить себе, на какие социальную базу и организационную структуру опиралось Временное правительство первого состава. Его возглавил князь Г.Е. Львов, за спиной которого был Земгор, а военным министром стал А.И. Гучков, олицетворявший военно-промышленные комитеты.

Поддерживали кадетско-октябристскую линию и другие организации. На созванном по инициативе все того же неутомимого промышленника Рябушинского Московском совещании 8–10 августа 1917 г., которое явилось последним крупным организационным мероприятием правого крыла Февральского процесса перед Октябрьским переворотом, присутствовали представители Временного комитета Государственной думы, торгово-промышленных кругов, Союза землевладельцев, Союза офицеров армии и флота, интеллигенции, адвокатуры (6, с. 107). Спрашивается, где были эти люди, когда на их глазах большевики готовили государственный переворот, который произошел через 2 месяца и 16 дней после окончания Московского совещания?

Роль религиозных организаций

Наконец, что делали в эти дни и месяцы религиозные организации России? В постсоветских учебниках истории, которые довелось держать в руках, сообщается об активности мусульман. С 1 по 11 мая 1917 г. в Москве проходил I Всероссийский мусульманский съезд, в котором участвовали 800 делегатов. Съезд выразил поддержку Временному правительству и выдвинул идею создания демократической республики на национально-федеративных началах (6, с. 105). Позже, с 21 июля по 2 августа, проходил уже II Всероссийский мусульманский съезд – на сей раз в Казани. Примерно в то же время состоялся I Всероссийский съезд мусульманского духовенства (18–26 июля). На совместном заседании делегатов этих двух съездов 22 июля 1917 г. была принята декларация о национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири. Высшим законодательным органом национально-культурной автономии было объявлено Национальное собрание (миллимеджлис).

Примечательно, что в ходе подготовки к Учредительному собранию была одобрена общемусульманская платформа демократического и социа-

листического блоков. Высший орган мусульман не поддержал попытку Корниловского мятежа. Но вместе с тем на Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.) А.Т. Цаликов от имени мусульманской группы выразил протест против передачи власти Советам, одновременно поддержав идею создания предпарламента.

В современных учебниках, однако, не раскрывается позиция Русской православной церкви в отношении Февральского процесса. Между тем именно Февраль 1917 г. освободил Православную церковь от «статуса» бюрократического учреждения, который обременял ее на протяжении двух веков после того, как Петр I подчинил церковь правительственному учреждению – Священному синоду. На Поместном соборе была восстановлена должность главы церкви – Патриарха, который от имени церкви благословил деятельность Временного правительства. Мне до сих пор не удавалось найти материалы, в которых объективно рассматривалась бы ситуация вокруг Православной церкви и внутри нее в тот период.

Это, конечно, тема особого разговора. В контексте же данных размышлений важно хотя бы в общих чертах выяснить, что говорили священнослужители на огромных пространствах Российской империи своим прихожанам в момент отречения Николая II и в ходе демократических преобразований с февраля 1917 г.

Известна характеристика Достоевского, которую он дал русскому народу с учетом его особой религиозной приверженности – «богоносец». В связи с этим полной неожиданностью оказалось поведение верующих во время борьбы большевиков против церкви. Вот как объясняет его Геннадий Аксенов в своей публицистической работе «Слово и дело церкви»: «Церковь в России не стала духовным лидером для человека, не отвечала на его запросы, не создала никакого духовного напряжения в жизни, не выполнила положенную ей историческую миссию. Тысячу лет людей заставляли ходить в церковь, и вот за каких-то 10 лет, за 1917–1927, вся религиозность с народа слетела – как ветром сдуло. Сказало начальство, что Бога нет, и он сразу одобрил, лишь единицы ушли в подполье, именно как в III веке. Разве это не урок» (1, с. 336).

Г. Аксенов приводит такой пример. Накануне Первой мировой войны в Россию приехал английский писатель Грэхем, изучавший русский язык. Он был очарован религиозностью русских людей: «Да это христианский народ! Святая Русь! У всех иконы в домах, все кроткие, набожные, на церковь крестятся». В 1909 г. он совершил с поморами пешее паломничество в Палестину, написал книгу, горячо убеждая англичан, что лучшего союзника им не найти – эти люди будут радостно умирать на войне за свою веру. И тут вскоре народ покинул фронт, совершил революцию, сжег все культурные гнезда на селе и в довершение разрушил все церкви. Вот тебе и святая Русь» (1, с. 336).

Заметим, что в ходе Февральского процесса прекратили свою деятельность всякого рода националистические организации – словно бы их и не было. А ведь именно в этой среде, по идее, находились наиболее последовательные защитники православной веры. Возникает еще одна тема для размышления – православие и национальная принадлежность. Тема, ставшая неожиданно актуальной в наши дни.

Переменчивость в настроениях толпы

При осмыслении Февральского процесса представляется важным выделить обстоятельство, которое постоянно давало о себе знать – чрезвычайная неустойчивость настроений вышедшей на улицы толпы. Это подметил англичанин, суждения которого мы уже приводили – Джордж Бьюкенен. Он обратил внимание на то, с каким подъемом встретило население начало Первой мировой войны. «В эти чудесные дни начала августа (1914 г. – *Б.О.*) Россия казалась совершенно преобразенной... Рабочие объявили о прекращении забастовок, различные политические партии оставили свои разногласия. В Думе, которую государь созвал на внеочередную сессию, лидеры различных партий наперебой говорили о поддержке правительства, которое они так яростно бранили лишь несколько недель назад. Но только в сердце России – Москве, куда император, согласно традициям своего дома, приехал поклониться святым мощам Кремля, в полной мере проявились чувства всего народа... Под громкие приветственные крики император шел по невысокому помосту (в Успенском соборе. – *Б.О.*) и лишь низкие перила отделяли его от огромной толпы коленопреклонных подданных, некоторые из которых даже целовали землю, когда он проходил» (3, с. 171–172).

То же самое произошло в Петрограде, когда на следующий день после объявления Германией войны в Зимнем дворце прошел торжественный молебен. «Через несколько минут монарх вышел на балкон, и при его появлении множество людей, заполнивших площадь перед Зимним дворцом, как один упали на колени и запели государственный гимн» (3, с. 169).

Через три года, в августовские дни 1917, политическая элита страны соберется в Москве в Большом театре на Государственном совещании, и мало кто из его участников вспомнит о судьбе «гражданина Романова». А еще через два месяца перед тем же Зимним дворцом соберутся люди, которые совсем недавно славили своего нового кумира – Керенского, а теперь пойдут за новым вождем – Ульяновым-Лениным.

Переменчивость настроений революционной толпы подметила и Зинаида Гиппиус, одна из самых тонких свидетельниц революционных событий. Наблюдая за происходившим из окна своей квартиры в самом центре Петрограда, она буквально по часам записывала свои впечатления в

дневнике. Вот дневниковая запись 27 февраля 1917 г. (2 часа дня): «Делегация от 25 тыс. восставших войск подошла к Думе, сняла охрану и заняла ее место... Мимо окон идет страшная толпа: солдаты без винтовок, рабочие с шашками, подростки и даже дети от 7–8 лет, артиллеристы и часть семеновцев. Но вся улица, каждая сияющая баба убеждена, что они пойдут “за народ”» (4, с. 70).

Запись 1 марта 1917 г. (6 часов вечера): «До сих пор ни одного “имени”, никто не выдвинулся. Действует наиболее ярко (не в смысле той или иной крайности, но в смысле связи и соединения всех) – Керенский. В нем есть горячая интуиция, и революционность сейчасная, я тут в него верю. Это хорошо, что он и в Комитете, и в Совете» (4, с. 78). З. Гиппиус имеет в виду Временный комитет, созданный Государственной думой, который через несколько дней превратится во Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Про Керенского она будет в дневнике писать много хорошего до того момента, когда после провала Корниловского мятежа он возьмет на себя функции Верховного главнокомандующего. Что-то в нем тогда изменилось в худшую сторону. Это отметят в своих записях и Плеханов, и Джордж Бьюкенен. Но тогда, в самые первые дни Февраля, он был любимцем толпы и, что существенно, как бы соединял в своей личности и правых, и левых.

Советы как орган власти

Как показал в своем исследовании В.М. Шевырин, правый лагерь подошел к революции с достаточно разветвленной организационной структурой. И казалось бы, сторонникам этого направления – все карты в руки. Тем более что Петросовет первоначально разместился в одной из комнат Таврического дворца под номером 13. Кто мог тогда предположить, что из этого помещения с несчастливым числом будет раскручиваться революционный сценарий – начиная с принятия Приказа № 1 по армии и кончая приходом к власти большевиков, которые в Совете первоначально были в значительном меньшинстве.

Обратим внимание на замечание американского историка Р. Пайпса: рабочие группы, созданные при Военно-промышленном комитете, служили как бы прообразом Петросовета. С ними произошла удивительная история: входившие в них люди в критические дни и даже часы крушения Российской империи сначала объявили себя органом власти, пошли на взаимодействие с парламентским органом – Временным комитетом, а затем – и с Временным правительством. Потом издали тот самый Приказ № 1 по армии, выделили комиссаров и прикрепили их к вновь созданным министерствам, взяли на себя право одобрять (или не одобрять) участие во Временном правительстве представителей левого крыла (кандидатуру

Г.В. Плеханова они отклонили – причем дважды, а без их согласия Плеханов не считал возможным войти в правительство), наладили снабжение города продовольствием, возглавили другие хозяйственные службы. Вообще, осуществили всё то, о чем позже писал Керенский.

Главная трудность, с которой столкнулись Советы, – несогласие в собственных рядах. Это касалось и меньшевиков, и эсеров. Лидер меньшевиков Юлий Мартов, вернувшись из эмиграции в Россию 9 мая 1917 г., назвал вхождение в первый состав коалиционного правительства своих единомышленников – Чернова, Церетели, Скобелева, Гвоздева – «окончательной глупостью» (24, с. 244). Серьезные расхождения обнаружились между правыми и левыми эсерами. Иными словами, в Советах тоже шла постоянная борьба между сторонниками консенсусного и конфронтационного подходов к решению проблем, поднятых революцией.

Вместе с тем те и другие считали себя сторонниками «революционной демократии». К ней причисляли и большевиков, мягко порицая их за излишний экстремизм, но не предполагая, чем все это в конечном счете обернется. Этим объясняется снисходительное отношение к участникам Июльского мятежа. Правда, с согласия Петросовета был издан приказ об аресте Ленина и других большевиков. Но особого рвения службы Временного правительства в их поиске не проявляли.

То, как все происходило на самом деле, видно из рассказа «главного матроса» Октябрьского переворота Павла Дыбенко во времена, когда подлинные события скрывать уже не было нужды, т.е. спустя 40 лет. В анкете участников Октябрьской революции он представлен следующим образом: Павел Ефимович Дыбенко (1889–1938) работал председателем Центробалта. В ноябре 1917 г. был введен в состав первого Совнаркома в качестве комиссара по морским делам.

И далее – рассказ самого Дыбенко: «2 и 3 июля были созваны пленарные заседания судовых комитетов под моим председательством, на которых была принята резолюция о свержении Временного правительства и была послана в Петроград на миноносцах с требованием передачи власти в руки Советов. Эта делегация была арестована. Тогда в Петроград были направлены 3 миноносца, на одном из которых находился и я. В Петрограде 5 июля я был арестован и посажен в “Кресты”. Из “Крестов”, просидевши два месяца, 4 сентября был освобожден под залог без права выезда в Гельсингфорс. Несмотря на это, 5 сентября на отходящем миноносце я выехал в Гельсингфорс. По приезде в Гельсингфорс снова был избран в Центробалт председателем» (13, с. 155). И, добавим от себя, тут же приступил к подготовке вооруженного восстания.

Между тем в левом лагере все более отчетливые очертания приобрела идея «однородного социалистического правительства». А это означало полную передачу власти Советам, т.е. партиям, представленным в нем, –

в том числе и большевикам. За это выступали видные представители левого лагеря, такие как лидер Партии социалистов-революционеров Виктор Чернов (он был против создания третьего и последнего состава коалиционного правительства), а также Юлий Мартов, который встал во главе партии наконец-то объединившихся меньшевиков на съезде 19–25 августа 1917 г. Их консолидировала убежденность в том, что социалистическое правительство должно быть создано, чтобы действовать исключительно по демократическим правилам.

Так или иначе, учреждение после Демократического совещания Совета Республики – Предпарламента, который брал на себя функцию предварительного одобрения любого состава Временного правительства, было шагом именно в этом направлении. Напомним, что большевиков вся эта «игра в социалистическую демократию» не устраивала и, как отмечалось выше, они вышли из Предпарламента. С точки зрения судьбы всего Февральского процесса все это означало, что приходил конец политике консенсусного сотрудничества с правым лагерем, на чем до последнего дня, до самого Октябрьского переворота настаивал Г.В. Плеханов.

В дни Октябрьского переворота

Российский историк Илья Урилов, фактически заново открывший современному читателю личность Юлиа Мартова – человека нравственной чистоты и преданности делу рабочего класса (24), показывает на фактах, чем обернулась попытка создания такого однородного социалистического правительства.

Наступают дни и часы Октябрьского переворота. Керенский 24 октября направляется в Предпарламент, ставший средоточием левых сил, и требует решительных действий против большевиков. Реакция Мартова: давайте создадим Комитет общественного спасения и пусть он улаживает конфликт политическими методами.

Вечером того же дня, 24 октября, в 20.30 в Предпарламенте идет голосование. Большинство голосов – 123 за, 102 против, 28 воздержались – принимается резолюция, фактически означавшая недоверие правительству Керенского. Через полтора часа, в 22.00, председатели Предпарламента Н. Авксентьев, Ф. Дан и А. Гоц прибыли в Зимний дворец и вручили Керенскому эту самую резолюцию.

На следующий день, 25 октября, когда полным ходом идет вооруженное восстание большевиков, Федор Дан от имени ВЦИК Совета первого созыва объявил в Смольном об открытии II Всероссийского съезда Советов. В президиум избраны 14 большевиков, семь эсеров, три меньшевика, меньшевик-мартовец.

В знак протеста против насильственных действий большевиков в Петрограде меньшевики, эсеры, меньшевик-мартовец отказались от мест в президиуме. В результате там оказались большевики, левые эсеры, представитель украинской социал-демократической партии, т.е. сторонники конфронтационного подхода (24, с. 281).

Большой Мартов (рак горла) уже с места прохрипел требование прекратить вооруженные действия. Как отмечено в протоколе, «выступление Мартова было встречено овацией».

Большевики на это не реагируют, и тогда меньшевики и правые эсеры покидают зал. Но Мартов через некоторое время возвращается и произносит вторую речь. И в ответ – реплика Троцкого: «Вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна. Отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть, – в сорную корзину истории» (24, с. 284). При выходе Мартов говорит рабочим-большевикам: «Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении вы участвовали». Наступает перерыв. После перерыва председательствующий Каменев объявляет делегатам съезда: «Восставшие вошли в Зимний дворец. Министры арестованы».

Так закончилась история с «однородным социалистическим правительством». Попытка управлять по правилам социалистической демократии фактически открыла дорогу «социализму с экстремистским лицом».

«Третий путь» не состоялся

Вопрос, на который сегодня вряд ли можно ответить: была ли реальная попытка создания «демократического социализма» социалистами-революционерами и социал-демократами меньшевистской ориентации? В какой-то степени схожей была ситуация в Германии после Ноябрьской революции 1918 г. Там тоже открывались два варианта развития – социалистическая республика в том виде, как ее провозглашал спартаковец Карл Либкнехт, и демократическая республика, к которой призывали германские социал-демократы умеренной ориентации. От их имени выступил в рейхстаге Филипп Шейдеманн. Судьба страны фактически решалась на Всегерманском съезде рабочих и солдатских Советов, который проходил в Берлине с 16 по 20 декабря 1918 г. Большинство делегатов выступило за Национальное собрание на основе всеобщих и равных выборов, т.е. за свой вариант Учредительного собрания. Эти выборы состоялись, и 11 февраля 1919 г. на заседании Национального собрания в Веймаре 277 голосами из 379 первым президентом Германии был избран социал-демократ Фридрих Эберт (18, с. 100). Страна пошла по демократическому пути со всеми сопутствующими проблемами. Начался период так называемой Веймарской республики, разрушенной в 1933 г. приходом к власти национал-социалистов.

По идее, и в России после проведения Учредительного собрания могло быть избрано правительство с сильным участием представителей левых партий, ориентировавшееся на некий «средний путь», на соблюдение подлинных демократических правил. Примечательно, что именно так представлялся ход событий Зинаиде Гиппиус. 1 марта 1917 г. она записала в дневнике: «Совершенно понятно, что ни один из Комитетов целиком – ни думский, ни советский – властью стать не может. Нужно что-то новое, третья» (4, с. 79).

Фактически это и был главный вопрос революции. Это понял Г.В. Плеханов, который по прибытии в революционный Петроград в ночь на 31 марта 1917 г. сразу оценил обстановку и пришел к непростому для себя выводу, что к полноценным социалистическим преобразованиям в духе Марксовой теории российское общество не готово, еще «не смолота мука», из которой «выпекают пирог социализма», и нужно взаимодействие всех политических сил, стоящих на почве демократии. Плеханов полагал, что этим «третьим» должно стать Временное правительство, и только на Учредительном собрании предстоит окончательно определить характер и форму правления в демократической России.

Как известно, поиск «третьей власти» закончился Октябрьским переворотом. И путь к нему шел не через Советы, в которых большевики на первых порах не располагали влиянием, а через митинговую стихию крестьянских масс, только примеривших на себя рабочую робу, форму солдата или матроса. На этой волне и вошли сторонники Ленина, обладавшие недожинными организаторскими способностями и необыкновенным политическим чутьем, сначала в Зимний дворец в Петрограде, затем в Кремль в Москве, а потом и во всю Россию. Это почувствовала З. Гиппиус, записавшая 7 марта 1917 г. в дневнике: «Да, Россией уже правит “митинг” со своей митинговой психологией, а вовсе не серое, честное, культурное и бессильное (а не – революционное) Врем[енное] пр[авительст]во. Пока, впрочем, не Россией, а лишь Петербургом правит, но Россия – неизвестность» (4, с. 85).

Заметим, что этот «митинг» продолжался недолго. Опираясь на конфронтационную массовую психологию и на конфронтационную идеологию классовой борьбы, большевики навели порядок в стране, постоянно внушая массам, что «добро должно быть с кулаками», «гнилому гуманизму» нет места в стране, строящей светлые дворцы коммунизма. Слово «консенсус» оказалось фактически под запретом. Его впервые произнес только М.С. Горбачев в начале нового Февраля, получившего название Перестройки.

Вместо заключения

Честно говоря, до самого последнего времени, вернее до написания этого текста, я не осознавал, почему меня не отпускает тема Февральского процесса. Возвращаясь к осмыслению причин Февральской революции и сопоставляя прошедшее с днями сегодняшними, я еще обостреннее стал воспринимать всю трагедию русского XX века. За одно столетие рухнули как карточный домик две державы, одна из которых держала в страхе Европу, а другая – весь мир. Усилиями многих поколений выстраивалось Московское царство, затем Российская империя, где силой, где добром растекалась по евразийским пространствам. И все это в короткие мгновения и, главное, неожиданным образом прекратило существование в последние дни февраля 1917 г. То же самое случилось и с Советским Союзом, влияние которого распространялось на страны Азии, Африки, Латинской Америки, а ядерный потенциал был способен в считанные минуты уничтожить все живое на земле. Что существенно, и та и другая империи, руководствовавшиеся разной идеологической мотивацией, не нашли при своей кончине хотя бы малейшей, хотя бы эмоциональной поддержки со стороны их обитателей. *Те просто приняли кончину к сведению и зажили дальше на руинах этих империй.*

Во время путешествий по северным лесам я не раз видел огромные, но разворощенные лапой медведя муравейники и спящих муравьев, старающихся по каким-то только им понятным правилам выстроить организационную структуру нового муравейника. Признаюсь, две эти империи – российская и советская – напоминают мне разворощенные муравейники северных лесов Заонежья.

Но мы все-таки не муравьи. И руководствуемся не только инстинктами. У нас должно быть ясное понимание, какие изъяны существуют в наших общественных структурах, в наших характерах, в нашей ментальности, почему мы допустили почти мгновенно разрушение всего того, что выстраивалось миллионами людей на протяжении длительного времени.

В своих «Узлах» (21) ответить на эти вопросы, осмысливая значение Февраля 17-го для судеб России, попытался Александр Исаевич Солженицын, проделавший огромную работу по изучению архивных материалов, свидетельств участников событий, просмотревший печатные издания того времени и эмигрантскую литературу. В дни Февральского юбилея 2007 г. массовым тиражом была опубликована как бы сокращенная версия его изысканий под заголовком «Размышления над Февральской революцией» (20). В чем же видит А.И. Солженицын глубинную причину произошедшего? Как мне представляется, вот один из его ключевых выводов. Указав на появление в России «мощного либерально-радикального (и даже социалистического) Поля», он далее писал: «Много лет (десятилетий) – это

Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густелись и призывали, и подчиняли все мозги в стране, хоть начатками его. Оно почти полностью владело интеллигенцией. Более редкими, но пронизывались его силовыми линиями и государственно-чиновные круги, и военные, и даже священство, епископат (вся церковь уже стала бессильна против этого Поля), и даже те, кто наиболее боролся против Поля, – самые правые круги и трон. Под ударами террора, под давлением насмешки и презрения эти тоже размягчались к сдаче. В столетнем противостоянии радикализма и государственности – вторая еще больше побеждалась если не противником своим, то уверенностью в его победе. При таком пронизывающем влиянии всюду в аппарате государства возникали невольно-добровольные агенты и ячейки радикализма, они-то и сказались в марте Семнадцатого. Столетняя дуэль общества и трона не прошла вничью: в мартовские дни идеология интеллигенции победила – вот захватив и генералов, а те помогли обессилить и трон. Поле струилось сто лет – настолько сильно, что в нем померкло национальное сознание («примитивный патриотизм») и образованный слой переставал усматривать интересы национального бытия. Национальное сознание было отброшено интеллигенцией, но и оброчено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе» (20, с. 10).

И в другом месте: «И все же не сама по себе война определила революцию. Ее определил изданный страстный конфликт общества и власти, на который война наложилась. Все назревание революции было не в военных, не в экономических затруднениях как таковых, но в интеллигентском ожесточении многих десятилетий, никогда не пересиленном властью» (20, с. 10).

Мне меньше всего хотелось бы полемизировать с человеком, который в свое время один на один выступил против огромной машины тоталитарного режима и при этом выстоял, разбудил впадшее в тоталитарный шизофренический транс общество (прежде всего такими произведениями, как «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ»). Но, как говорится, истина дороже. Указание на факт противостояния власти и общества, представленного, в первую очередь, радикализованной интеллигенцией, не объясняет, чем вызвано такое противостояние. Собственные размышления на эту тему, подкрепленные материалами к лекциям («Человек и власть в истории России»), с которыми я выступал в свое время в Германии, в Мюнстерском университете, привели к иному выводу: все зависит от способности общества выстраивать властные структуры и институты, позволяющие учитывать и примирять всю усложняющуюся совокупность интересов различных социальных групп, прежде всего в области экономических отношений. Конфронтационный подход осложняет решение этой главной проблемы. И наоборот, консенсусный подход к решению проблем, находящий выражение в реформах, способствует установлению диалога

между социальными группами, но прежде всего между обществом и избираемой им властью.

Российская история демонстрирует, что наше общество развивалось как бы толчками: от консенсусных реформ – к конфронтационным заморозкам, приводящим к кризисам; от послекризисного состояния – к новым реформам и новым заморозкам. «Дней Александровых прекрасное начало», как этот период (начало XIX в.) охарактеризовал Пушкин, сменилось бюрократическим застоём при Николае I, обернувшимся поражением в Крымской войне 1854–1855 гг. Затем реформы Александра II, которые после его убийства террористами в 1881 г. сменяются ужесточением при Александре III и его сыне Николае II. Снова поражение – в Русско-японской войне 1905–1906 гг. и снова вынужденное обращение к реформам на основе Октябрьского манифеста 1905 г. Начавшаяся Первая мировая война как бы приостановила логику реформ. Но она вновь заявила о себе Февральской революцией 1917 г., которая с исторической точки зрения открывала возможности для продолжения реформ – теперь уже в условиях демократически избранной верховной власти.

Своеобразие сложившейся ситуации заключалось в том, что в самом начале революции на политическую арену вышли представители разных политических субкультур. Одна – консенсусная, представленная либеральной интеллигенцией, торгово-промышленными кругами, городскими средними слоями, демократически настроенным средним и высшим военным командным составом, а также частью левых политических партий (правые меньшевики, правые социалисты-революционеры, группа «Единство» Г.В. Плеханова). Другая – конфронтационная, с ориентацией на решение проблем в рамках прямой демократии (Советы). Экстремистски настроенная группа большевиков сумела, в конце концов, опереться на эту ментальную базу и довольно легко прийти к власти, исказив затем саму суть народного представительства и выстроив в России тоталитарный режим, находившийся в полном противоречии с логикой Февральского процесса 1917 г.

Крушение советской империи фактически вернуло Россию на исходные позиции Февраля 1917 г. Между тем первоначальный демократический процесс, начатый в 1991 г., постепенно выродился в авторитарный режим с чисто внешней демократической имитацией. Как в XIX и XX вв., страна – теперь уже в начале XXI в. – снова встает перед проблемой: либо дальнейший разрыв между обществом и властной бюрократией, пытающейся выстраивать очередной имперский «муравейник» с последующим негативным результатом, либо общество проявит способность формировать демократическим способом властные структуры и держать их деятельность под постоянным контролем. Вопрос открытый, и российскому

обществу предстоит нелегкий экзамен на политическую зрелость в рамках консенсусной культуры.

А пока?.. Пока власти толкают страну в конфронтационном направлении, создавая атмосферу осажденной крепости и приучая население к тому, что Россию окружают враги, и прежде всего США и НАТО. Эти строки я писал в жаркие июньские дни 2007 г. в академической больнице в Ясенево, где врачи кардиологического отделения пытались наладить мне кровяное давление. Обстановка доброжелательная. Приветливый персонал. Высокий профессионализм лечащих врачей. Мудреная медицинская аппаратура, в основном западного происхождения. Но... довольно скромное питание и алюминиевые вилки в столовой. Такими вилками я пользовался в заводской столовой в г. Электростали после войны, где начался мой трудовой путь. Так обстоят дела в главной больнице системы Академии наук. А что происходит в городских, районных или сельских больницах, разбросанных по всей России?

Алюминиевые вилки – это всего лишь напоминание о том, что нельзя одновременно решать задачу «сбережения народа» (выражение А.И. Солженицына) и раскручивать новый виток гонки вооружения, в том числе закладывая новые сверхсовременные атомные лодки для себя и для других. Не повторится ли парадоксальная ситуация, когда подлодки времен «холодной войны» ржавеют в Кольском заливе, а маленькая Норвегия из своего бюджета выделяет средства для их дезактивации? Американцы же, которых мы снова хотим превратить в противников, из своего бюджета (т.е. из налогов граждан) тратят деньги на уничтожение химического оружия, горы которого накоплены вдоль берегов великой русской реки Волги.

Иными словами, между алюминиевыми вилками, которыми мы пользуемся по сей день, и огромными субмаринами существует прямая логическая взаимосвязь. И пока это обстоятельство не будет уяснено на уровне обыденного сознания граждан страны, определенная часть политического класса России, прежде всего связанная с силовыми структурами и военно-промышленным комплексом, будет продолжать продвигать страну в сторону еще одного державного муравейника.

Что же касается уроков Февральского процесса 1917 г., то их кратко можно охарактеризовать так. Консенсусный вариант на базе принципов демократии ведет в семью цивилизованного человечества. Конфронтационный – к новой катастрофе, трагические последствия которой мы вряд ли сможем преодолеть.

Список литературы

1. Аксенов Г. Слово и дело церкви // Отечественные записки. – М., 2005. – № 3. – С. 232–337.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 222 с.

3. Бьюкенен Д. Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата, 1910–1918. – М.: Центрполиграф, 2006. – 408 с.
4. Гиппиус З.Н. Дневники. – М.: Захаров, 2002. – 314 с.
5. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 224 с.
6. Зуев М.Н. История России: В 2-х кн. – М.: Новая Волна, 2002. – Кн. 2.: История России в XX – начале XXI века. – 672 с.
7. Керенский А.Ф. История России. – Иркутск: Коммерческий центр «Журналист», 1996. – 504 с.
8. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / Пер. с англ. – М.: Республика, 1993. – 384 с.
9. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. – Т. 33.
10. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. – Т. 30.
11. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние, (1922–1926): Этика и тактика противоборства. – М.: РОССПЭН, 2005. – 736 с.
12. Орлов Б.С. Г.В. Плеханов и Февральская революция 1917 г.: Специализированная информация РАН ИНИОН / Отв. ред. В.М. Шевырин. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 94 с.
13. От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской Социалистической революции). – М.: Госполитиздат, 1957. – 432 с.
14. Пайпс Р. Русская революция. – М.: РОССПЭН, 1994. – 399 с.
15. Плеханов Г.В. Год на родине: Полное собрание статей и речей, 1917–1918 гг. – В 2-х т. – Paris: Povolozky, 1921. – В собрание вошли статьи Г.В. Плеханова, опубликованные в 1918–1918 гг. в газете «Единство» (затем – «Наше единство»).
16. Плеханов Г.В. Год на родине: Полное собрание статей и речей, 1917–1918 гг. – В 2-х т. – Paris: Povolozky, 1921. – Т. 2. – 296 с.
17. Плеханов Г.В. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересным // Газета «Единство». – Петроград, 1917. – 9–12 апр.
18. Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ, 1848–2002. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 560 с.
19. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир: Октябрьская буря. – М.: Политиздат, 1987. – 637 с. (См. также: Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – Нью-Йорк, 1934.)
20. Солженицын А. Размышления над Февральской революцией: Александр Солженицын о событиях, которые трагически изменили не только судьбу России, но и ход всемирной истории // Росс. газета. – М., 2007. – 27 февр.
21. Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. – Вермонт, Париж: Ymca-Press, 1987–1989. – (Узел 3: Март семнадцатого (23 февраля – 18 марта)). – 752 с.
22. Суханов Н.Н. Заметки о революции: В 7-ми т. – Берлин, 1922 (см. также: Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. – М.: Республика, 1982. – Т. 3. – Кн. 5, 6, 7).
23. Улам А.Б. Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года. – М.: Центрполиграф, 2004. – 510 с. – В оригинале название несколько иное: Ulam A.B. The Bolsheviks: The intellectual and political history of the Triumph of Communism in Russia.
24. Урилов И.Х. Ю.О. Мартов: Политик и историк. – М.: Наука, 1997. – 471 с.
25. Херш Э. Купленная революция: Тайное дело Парвуса. – М.: ОЛМА-ПРЕСС образование, 2004. – 380 с.
26. Царуски Ю. От царизма к большевизму // Германия и русская революция 1917–1924 / Изд. Г. Кёнена и Л. Копелеваш. – М., 2004. – С. 100–123.

-
27. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России, (1914–1917). – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 152 с.
 28. Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. – Berlin; Bonn.: Verl. J.H.W. Dietz Nachf, 1984. – 235 S.
 29. Borce von A. Die Ursprünge des Bolschewismus: Die jakobinische Tradition in Rußland und die Theorie der revolutionären Diktatur. – München: Johannes Berchman Verl., 1977. – 646 S.